

Е. М. Чекалина

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВЕДА XVIII ВЕКА СВЕНА ХУВА

В истории шведской языковедческой науки XVIII в. ярко выделяется фигура ученого-энциклопедиста эпохи Просвещения Свена Хува (1703–1786), которого языковед-реформатор начала XX в. профессор Уппсальского университета Адольф Нурен называл подлинным философом языка¹.

Свен Хув был типичным представителем своего времени. В 1721 г. он поступил в Уппсальский университет, где изучал естественные науки; именно в это время начали проявляться и его языковедческие способности. Бывая на медных рудниках провинции Даларна в районе города Фалун, собирал сведения о диалекте, на котором говорили в тех местах, и составил рукописное сочинение «Svgrimontano-Dalecarli». В 1731 г., получив ученую степень магистра, Хув переехал в Стокгольм и стал домашним учителем в доме известного политика и писателя графа Карла Юлленборга. В 1738 г. С. Хув получил в родном городе Скара должности помощника нотариуса в управлении епархии и учителя гимназии, где преподавал математику, историю естествознания, ботанику, латынь и риторику. Здесь он стал одной из центральных фигур культурной и научной жизни города, а его педагогическая деятельность способствовала повышению статуса гимназии, в которой именно в эти годы под его руководством получили образование будущие известные исследователи в области естественных наук. Среди его учеников были энтомолог Клас Бьеркандер, ботаник

Андерс Даль и один из основоположников аналитической химии Турбьерн Бергман². В 1746 г. С. Хув встречался с Карлом Линнеем, который в то время совершал научную экспедицию в провинцию Вестергьетланд и позднее написал об этом в своих путевых заметках: «Я с радостью обнаружил, что он знает большинство произрастающих в этой местности растений, и если он будет использовать методы и термины современных ученых-ботаников, то сможет осуществлять научное руководство учащимися гимназии в Скаре и таким образом бросит в эту почву уже в юные годы семена, которые со временем могли бы принести Отчизне хорошие плоды»³. Прослужив в гимназии почти 20 лет и получив почетное звание профессора, в 1757 г. Хув вышел в отставку и поселился в усадьбе отца недалеко от Скары, где были созданы его основные языковедческие труды.

Среди сочинений эпохи Просвещения о пользе и норме родного языка особое место занимает научный трактат С. Хува «Правильная орфография шведского языка» (1748–1750), изданный при поддержке Шведской академии наук в 1753 г.⁴ В этом сочинении, скромное название которого было данью традиции своего времени, содержатся гениальные лингвистические прозрения, основанные на глубоких и тонких научных наблюдениях и аргументированные рассуждениями в духе рационалистской грамматики Пор-Рояля, которые предвосхищают появившиеся больше чем через полтора столетия, уже в начале XX в., идеи структурализма⁵. В своей научной аргументации Хув использовал математическую логику, основанную на дедуктивном методе Эвклидовой теории, которую называл «математическим научным порядком» (*mathematisk läroordning*)⁶, а описание системы шведского языка было построено на принципе целесообразности (*ändamålsenlighet*)⁷. Это позволяло проникнуть в существо предмета и придать своим рассуждениям доказательный характер. Хува вдохновляли не утилитарные задачи нормализации шведской орфографии или грамматики, а философия языка — стремление «выяснить, как устроена человеческая речь вообще и шведский язык в особенности»⁸. Основной задачей языковедов, которых называл замечательным словом *språknästare*, умение «наблюдать и понимать, каков язык во всех его видоизменениях, выявляемый в правильной речи, а не навязывать ему некие законы, вопреки принятому в языковом коллективе обычаю

и употреблению»⁹. Важнейшими составляющими лингвистической концепции С. Хува являются:

1) язык — швед. *språk, tungomål*; лат. *lingva*;

2) речь — швед. *tal*; лат. *sermo, oratio*;

3) социально закрепленная норма и узус как способ существования языка — швед. *bruket* и *wanan* (букв. «употребление и обычай»).

С. Хув первым среди языковедов своего времени дал определение языка как многоуровневой системы: «Все те слова, взятые в совокупности и рассматриваемые вместе, со свойственным им словоизменением и сочетаемостью, которые используются для того, чтобы обозначать и передавать слушателю свои мысли, называются языком»¹⁰. В этом определении фактически содержится указание и на две важнейшие функции языка — когнитивную и коммуникативную. В другом месте трактата мы находим развернутый постулат о когнитивной функции языка: «С помощью понятий (*begrep*) нам представляется все бесконечное множество вещей (*ting*), а с помощью мыслей (*tankar*) мы понимаем и выявляем связи и отношения между ними»¹¹. О коммуникативной функции языка как одном из важнейших постулатов своей теории Хув пишет: «Понимает язык тот, кто от произнесенных слов получает те же мысли, которые имел говорящий и словами и языком, который из них состоит, хотел выразить их»; и далее: «Язык должен быть устроен так и говорить на нем следует так, чтобы его можно было ясно и четко, а также понятно и легко понимать»¹². В сочинении С. Хува дано также определение языкового типа (*ett språks art*; лат. *genius lingvæ*), который обусловлен системно-структурным устройством языка: «Языковым типом называется способ словоизменения, словопроизводства, словосложения и сочетаемости слов в соответствии с обычаем, привычкой и вкусом большинства тех, кто использует его в качестве родного»¹³.

Одним из важнейших постулатов в сочинении С. Хува, кардинально отличавшим содержащуюся в нем философию языка от работ его шведских современников, является четкое и последовательное разграничение двух форм существования языка как средства коммуникации — устной и письменной речи: «Посредством устной речи мы передаем присутствующим и слушающим наши мысли, но часто нам необходимо, чтобы отсутствующие и те, кто

придет после нас, могли понять наши мысли. Для того чтобы передавать наши мысли тем, кого нет с нами, и тем, кто придет после нас, требуются рассчитанные на сохранение в течение длительного времени знаки, которые можно сохранить и оставить потомкам, а также передать другим, в том числе находящимся далеко от нас»¹⁴. В этом высказывании содержится идея о необходимой для преемственности национального самосознания функции языка как средства сохранения и передачи национальных традиций и культуры. С. Хув особенно подчеркивал первичный характер звучащей речи. Он писал: «Люди намного раньше научились говорить, чем писать, а письменность изобретена, введена и принята для обозначения звучащей речи»; по его глубокому убеждению, именно поэтому «речь не может и не должна приспособливаться к написанию»¹⁵.

В сочинении С. Хува впервые в истории шведского языкознания была предложена стилистическая дифференциация устной речи, в которой он выделял три регистра:

- 1) обиходно-разговорная диалектная речь простых людей — швед. *gemene mans tal*; лат. *sermo plebejus*;
- 2) устный стандарт, на котором говорили образованные люди его времени — швед. *gement tal*; лат. *sermo familiaris, popularis*;
- 3) публичная речь — швед. *offentligt språk*; лат. *sermo publicus, oratorius, panegyricus*¹⁶.

В лингвистической концепции Хува содержится идея о знаковой природе языка: одним из наиболее частотных существительных в его сочинении является слово «знак» (*tecken* или *märke*), а одним из наиболее частотных глаголов — глагол «обозначать» (*beteckna* или *bemärka*). Он пишет: «Для выражения наших мыслей необходимы знаки; и нет знаков, более удобных и пригодных для этого, чем звуки речи (швед. *tal-liud*). Бесчисленность или бесконечность вещей и, следовательно, мыслей о них, может передаваться звучащей речью на основе элементарных материальных звуковых единиц (швед. *enkla ljudämnen*) и их составляющих (лат. *elementa soni articulati*), а также их многочисленных комбинаций, для того чтобы кратко, ясно, понятно и легко передавать наши мысли»¹⁷. Таким образом, выступая стихийным фонологом, С. Хув подчеркивал знаковый характер единиц звучащей речи, различающихся как артикуляционно, так и акустически и выполняющих

тем самым смысловозначительную функцию, в отличие от физических звуков, таких как шум воды или раскаты грома, и музыкальных звуков, различающихся только акустически¹⁸. Более того, используя терминологическое название элементарной материальной звуковой единицы и её составляющих, Хув фактически ввел в научный оборот лингвистические понятия звукового типа, или фонемы, с присущими ей дифференциальными различительными признаками, выявляемыми в языковой системе как артикуляционно, так и акустически.

Поразительно, что в своем основном сочинении С. Хув неоднократно повторяет тезис о произвольном характере языковых знаков (*friwillige tecken*). Так, он пишет: «Те знаки, которые ничего не обозначают, не заслуживают того, чтобы называться знаками»¹⁹; и далее: «Одни и те же вещи следует обозначать одними и теми же знаками, а различные вещи — различными знаками. Ибо назначение знаков — обозначать определенные вещи, которые не могут обозначаться иначе. Сколь много имеется отдельных вещей, которые с необходимостью требуется обозначить, столь же много должно быть отдельных знаков. Ибо в противном случае нельзя достигнуть цели. Когда два или несколько знаков, которые используются для обозначения определенных вещей, сочетаются в определенном порядке, они могут обозначать что-либо другое. И тогда — при таком порядке и сочетании, они могут считаться особыми знаками»²⁰. Для доказательства этого постулата Хув приводит наглядный математический пример с римскими цифрами, которые используются для обозначения не только простых чисел один (I) и пять (V), но и составных чисел с помощью определенной комбинаторной последовательности первых двух, как, например, четыре (IV). Единицами речи в лингвистической концепции С. Хува являются «слова, которые выступают непосредственными знаками мыслей и опосредованными знаками вещей»²¹ (означающее, означаемое и денотат в современной лингвистической терминологии).

Важное место в сочинении С. Хува занимает описание фонетических и просодических особенностей шведского языка на основе тонких научных наблюдений над артикуляционными и акустическими особенностями родной речи: «В словах мы не находим ничего, кроме элементарных звуковых материальных единиц (*enkla*

liudämnen), их протяженности (dryghet; лат. kvantitas), а также порядка их расположения, посредством которых слова, также являющиеся произвольными знаками, могут отличаться друг от друга»²². В описании системы гласных он обратил внимание на явления, которые и значительно позднее, в XX в., не всегда были замечены шведскими фонетистами и фонологами. Речь идет о трактовке в качестве самостоятельных фонем, а не просодических вариантов долгих и кратких реализаций звуков, обозначаемых буквами *a* и *u*, которые существенно различаются как артикуляционно, так и акустически. Это «светлое» [a:] — долгий заднеязычный лабиализованный гласный — и «темное» краткое переднеязычное [a], а также «светлое» долгое [u:] — гласный переднего ряда — и «темное» краткое [u] — гласный среднего ряда среднего подъема. В современных работах по шведской фонологии научное обоснование статуса этих долгих и кратких гласных звуков в качестве самостоятельных фонем было впервые предложено в работах Ю. К. Кузьменко²³. В соответствии с речевым узусом своего времени Хув различал также «светлое» заднеязычное [o:], которое обозначалось на письме буквой å (например, в слове *kål* «капуста»), и «темное», более переднее, сходное с характерными для западногерманских языков реализациями звука [o:] (например, в слове *kol* «уголь») ²⁴. К концу XVIII в. это различие было устранено из устного стандарта по рекомендации нормализаторов шведской литературной речи и исчезло из системы шведских гласных, слившись с заднеязычным [o:].

Подлинно новаторскими являются научные наблюдения С. Хува о важнейших просодических особенностях шведской речи, которые выполняют смыслоразличительную функцию. Первым среди шведских языковедов он обратил особое внимание на долготу ударных слогов, предполагающую облигаторную длительность гласного и согласного (при его наличии), а также на музыкальную акцентуацию ударных слов с возможностью одного из двух типов тонических акцентов — простого (акут) и сложного (гравис). Для гласных звуков Хув определял фонологическую долготу (швед. *dryghet*) как фонетическую протяженность (швед. *långsamhet*). Для согласных звуков, следующих за кратким гласным ударного слога, Хув совершенно справедливо определял фонологическую долготу как особую интенсивность произнесения, характеризующую им

как своеобразный «толчок»²⁵. Анализируя особенности произнесения слов с долгими и краткими гласными ударных слогов, он обратил внимание и на различия в фонетической реализации следующих за ними согласных или первого из группы согласных. Особая интенсивность произнесения таких согласных, следующих за кратким ударным гласным, служила для Хува аргументом в пользу удвоенного написания долгих согласных. Таким образом, в соответствии с одним из основных постулатов его лингвистической теории, письменная речь должна отображать речь звучащую. Важно и тонкое, намного опережающее время наблюдение Хува о том, что в тех случаях, когда при словоизменении на стыке морфем образуются группы согласных, ударный гласный в большинстве случаев сохраняет в шведском языке фонологическую долготу и фонетическую длительность. В качестве наиболее показательных примеров он приводил минимальные пары с различными словами идентичного звукового состава, которые имеют одинаковое написание, но различное произношение — с долгим гласным заднего ряда [a:] и кратким гласным переднего ряда [a]:

sva:n+s — существительное «лебедь» в форме генитива

svans — существительное «хвост» в исходной форме общего падежа;

ha:l+t — прилагательное «скользкий» в форме среднего рода

halt — прилагательное «хромой» в исходной форме общего рода²⁶.

С. Хуву принадлежит и другое лингвистическое открытие, новизну и важность которого он и сам хорошо осознавал, когда писал об этом наблюдении как о своем открытии. Речь идет о смысловоразличительной функции просодических особенностей шведских слов, которые в современной лингвистике называются тоническими акцентами. Хотя сам Хув связывал эти различия с долготой ударных слогов (что в действительности не противоречит языковым фактам), а термином *ton* «тон» обозначал силовое, или динамическое ударение, в своем сочинении он приводит несколько минимальных пар со словами, имеющими различные тонические акценты²⁷:

АКУТ

like(t) определенная форма
существительного среднего рода
труп
saker прилагательное *виновный*
händer презенс глагола
случаться
skänker презенс глагола
дарить
lagen определенная форма
существительного общего рода
закон
döden определенная форма
существительного общего рода
смерть
malen определенная форма
существительного общего рода
моль
heder существительное
честь
Åbo Обо (город в Финляндии)

ГРАВИС

like слабая форма
прилагательного *похожий*
saker форма множ. числа *вещи*
händer форма множ. числа *руки*
skänker форма существительного
во множ. числе *дары*
lagen причастие II от глагола
лага чинить; готовить
döden причастие II от глагола *dö*
умирать
malen причастие II от глагола *mala*
молоть
heder форма существительного во
множ. числе *вересковые пустоши*
åbo наследственный арендатор

Свен Хув был автором первого в истории шведской диалектологии научного описания его родного диалекта «Dialectus vestrogothica», опубликованного в 1772 году. В него включены краткие очерки грамматики и фонетики вестъетского диалекта; однако основную часть составляет словарь, который содержит около 3000 лексем, данных в транскрипции с переводом на литературный шведский язык (также с транскрипцией) и на латынь²⁸. Как писал Н. Бекман, «и теперь, спустя 120 лет, это сочинение может считаться одной из лучших монографий по шведской диалектологии»²⁹.

¹ Noreen A. Vårt språk. Nysvensk grammatik i utförlig framställning. Lund, 1903. Bd 1. S. 204.

² Sandblad H. Linnéansk pastoral. En miljöstudie kring Clas Bjerkander // Vetenskapens träd. Idéhistoriska studier tillägnade Sten Lindroth 28. XII. 1974. Stockholm, 1974. S. 119.

³ Linné C. Wästgöta-Resa (1747). Nytryck efter originalupplagan med textkommentar av N. Beckman. Stockholm, 1928 (1747). S. 62.

⁴ Hof S. Swänska Språkets Rätta Skriftsätt med sina bewis. Stockholm, 1753.

⁵ *Teleman U.* Veta och vilja. Om ortografer och grammatiker som språkvårdare under svenskt 1600-och 1700-tal // Studier i svensk språkhistoria, 6. Folkmålsstudier. Åbo, 2002. S. 69.

⁶ *Hof S.* Swänska Språkets Rätta Skriftsätt med sina bewis // Skrifter utgivna av institutionen för nordiska språk vid Uppsala universitet, 16 / Utg. Mats Thelander. Uppsala, 1985. S. 3.

⁷ *Beckman N.* Bidrag till kännedom om 1700-talets svenska: Huvudsakligen efter Sven Hofs arbeten. Akademisk avhandling. Lund, 1895. S. 3.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Hof S.* Swänska Språkets Rätta Skriftsätt med sina bewis // Skrifter utgivna... S. 28–29.

¹⁰ *Ibid.* S. 21.

¹¹ *Ibid.* S. 15.

¹² *Ibid.* S. 21.

¹³ *Ibid.* S. 28.

¹⁴ *Ibid.* S. 32.

¹⁵ *Ibid.* S. 37.

¹⁶ *Ibid.* S. 27.

¹⁷ *Ibid.* S. 16.

¹⁸ *Ibid.* S. 15.

¹⁹ *Ibid.* S. 19.

²⁰ *Ibid.* S. 14.

²¹ *Ibid.* S. 16.

²² *Ibid.* S. 20.

²³ *Кузьменко Ю. К.* Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991. С. 51–53.

²⁴ *Hof S.* Swänska Språkets Rätta Skriftsätt med sina bewis // Skrifter utgivna ... S. 46–47.

²⁵ *Ibid.* S. 17–18.

²⁶ *Ibid.* S. 64.

²⁷ *Ibid.* S. 65.

²⁸ *Lindroth S.* Svensk lärdomshistoria. Tredje bandet. Stockholm, 1978. S. 599.

²⁹ *Beckman N.* Bidrag till kännedom om 1700-talets svenska: Huvudsakligen efter Sven Hofs arbeten. Akademisk avhandling. Lund, 1895. S. 3.

Elena Chekalina

LINGUISTIC IDEAS OF 18th CENTURY SWEDISH SCIENTIST SVEN HOF

The article presents the linguistic conception of a prominent 18th century Swedish scientist Sven Hof, who provided genius scientific insights, which were far ahead of his time: the definition of language as a multi-level system and of its main — communicative and cognitive — functions, the notion of language type, the idea of symbolic nature of language and of arbitrariness of language signs, which have a signifier and a signified, the distinguishing of minimal units of oral speech, which perform a distinctive function.